

СИБИРЬ И БЕЛОРУССИЯ: ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ

УДК 94(47). 046

И.Р. СОКОЛОВСКИЙ

РУССКИЕ ВОЕВОДЫ СИБИРИ И ВЫХОДЦЫ ИЗ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: sokolowski@yandex.ru

Московское царство и Великое княжество Литовское в составе Речи Посполитой (княжество владело русскими и белорусскими землями) были государствами, происходившими из одного корня – культуры Древнерусского Киевского государства. В ходе исторического развития их пути существенно разошлись. Это определяло как взаимное понимание, так и взаимное непонимание подданных обоих государств.

В 1632 г. русские войска блокировали крепость Смоленск, которую защищал польский гарнизон и силы «посполитого рушения», собравшие окрестной шляхтой. Русской армией командовал Михаил Борисович Шеин, который в 1607–1611 гг. был комендантом Смоленска и руководил его обороной от поляков. Русские интенсивно обстреливали крепость, но взять ее не смогли. В сентябре 1633 г. к Смоленску подошла польская армия под командованием короля Владислава IV. Русское войско оказалось в ловушке. В феврале 1634 г. русская армия капитулировала. Война закончилась, однако за два года ведения военных действий в Сибири оказалась значительная группа выходцев из белорусских земель.

В августе 1633 г. в Томск прибыло около 150 чел. «литвы», которых 14 июня 1634 г. «пашенный крестьянин» Тимофей Емельянов Смолянин обвинил в подготовке заговора. По его словам, заговорщики хотели убить русских казаков во главе с воеводой и устроить побег большой группы военнопленных на Запад, с целью добраться до «Литвы». Следствие и опрос населения дали довольно скромные результаты. Многие говорили, что в первый раз слышат о заговоре. Однако воевода принял решительные меры и приказал повесить 12 чел., которых он счел наиболее опасными. После этого в Москву были отправлены материалы следствия, они и являются нашим единственным источником. Основная часть этих материалов публикуется в качестве приложения к данной статье.

Военнопленные в Сибири в 1630-е гг. воспринимались двойственно. С одной стороны, они не были совсем «чужими»: имели понятные имена и говорили на понятном языке. С другой стороны, большая группа военнопленных воспринималась местными жителями как угроза, и от государства они требовали принять меры к удалению военнопленных из города.

Ключевые слова: Сибирь, Белоруссия, связи, Литва, население, боевые действия, гарнизоны, XVII–XVIII вв.

В истории Сибири существует ряд тем, к которым обращаются регулярно [1]. К ним относится и проблема взаимодействия различных этносов, из которых складывалось население Сибири с начала русского этапа колонизации.

В начале XVII в. белорусские земли находились в составе Великого княжества Литовского (с 1569 г. вместе с землями польской короны оно входило в Речь Посполитую). Война последней с Московским царством в 1630-е гг. вызвала перемещение населения между белорусскими землями и Россией. Различные категории русских побывали на белорусских землях, находясь в составе вооруженных сил. В ходе воен-

ных действий не только военные, но и гражданское население с белорусских земель оказывалось в Сибири [2; 3].

Осенью 1632 г. русская армия заняла ряд приграничных городов и замков Речи Посполитой. Польский современник писал: «Лета Господня 1632, 14 числа октября. Русские, нарушив присягу, которую утверждено было перемирие на 14 лет, напали из Вязьмы на Дорогобуж, сожгли город, а крепость сдали им наши капитаны Вульф и Юрий Ласквина» [4, с. 722]. В этих боях в плен могла попасть какая-то часть белорусского населения, проживавшего и воевавшего в Витебском и Мстиславльском воеводствах [5, с. 235].

Русские войска подошли к Смоленску, укрепления которого были недавно обновлены поляками. Гарнизон из 1600 чел. с 170 пушками командовал А. Гонсевский. К ним присоединилась окрестная шляхта. Дважды в город сумели прорваться подкрепления – около 1000 чел. [5, с. 235].

Командующий русской армией Михаил Борисович Шеин в 1607–1611 гг. был смоленским воеводой. Под его командованием находилась армия в 32 тыс. чел. с 149 орудиями. Она включала прослойку иноземных офицеров, в том числе шотландцев. Иностранные инженеры создали развитую систему осадных укреплений. Русская армия добилась определенных успехов при бомбардировке крепости, однако общий штурм потерпел поражение [5, с. 235].

После десяти месяцев блокады к Смоленску подошла двадцатипяти тысячная польская армия под командованием короля Владислава IV (сентябрь 1633). Армия Шеина оказалась в ловушке. В феврале 1634 г. Шеин был вынужден капитулировать. Война завершилась Поляновским мирным договором (1634) и обменом пленными [5, с. 236].

Военные историки пишут, что в результате войны «...воинские части “нового строя” в 1634 ...были распущены и иностранным наемникам приказано было покинуть страну» [6, с. 113]. В Сибири был большой приток военнопленных этой войны. Подобное изменение этнографического баланса в сибирских городах вынудило местные власти к взаимодействию с большими группами иноязычного и инкультурного населения.

Данные о событии, за которым в литературе закрепилось название «заговор томской литвы», впервые введены в научный оборот Н.Н. Оглоблиным. «Заговор» отражает все сложности взаимодействия двух народов.

Не опубликовав дела, Н.Н. Оглоблин его пересказал. Он начинает с обзора документов. В деле сохранились: «1) отписка томских воевод стольника кн. Никиты Ивановича Егупова-Черкасского, товарища его Федора Григорьевича Шишкина и дьяка Андрея Строева, в июне 1634 г., 2) приложения к отписке распросные речи в Томской съезжей избе обвиняемой в заговоре литвы и др. лиц и 3) выпись Сибирского приказа для доклада государю» [7, с. 6].

Делу о заговоре предшествовал сам факт появления «литвы» в Томске. Оглоблин сообщает читателю общую численность «литвы» в Томске и дает обзор источников ее происхождения. Он пишет, что в августе 1633 г. в город была прислана большая группа «литовских людей», общей численностью в 150 чел. Их «поверстали» в «службу» и «пашню» и распределили между «конными» и «пешими казаками», а также направили в «пашенные крестьяне». Часть из них даже оказалась на командных должностях «в детях боярских». Происхождение их было самым различным: «большинство «новоприсыльных литовских людей» было из Белоруссии – уроженцы «поветов» Мстиславского, Кричевского, Оршанского, Могилевского, Пропойского и др.». Затем Н.Н. Оглоблин переходит к выяснению соотношения численности «литвы» и служилых людей. Численность была названа им среди важных факторов возникновения конфликта; «вместе с старою литвою число ея доходило до 200 человек», добавляя: «сила значительная для глухой Сибири того времени!» [7, с. 7].

Без ссылки на источники Н.Н. Оглоблин пишет о моральном состоянии пленных: «Вся эта разношерстная “лит-

ва” с трудом сживалась с новою обстановкою и деятельность и томилась тоскою по родине...» [7, с. 7].

Описывая сам «заговор», Н.Н. Оглоблин приводит данные о составе «заговорщиков». По его данным, «непосредственное участие в заговоре приняли около 50 служилых людей (1 боярский сын, 1 «затинщик», остальные конные и пешие козаки) и около 25 крестьян» [7, с. 7].

Много внимания Н.Н. Оглоблин уделяет выявлению верхушки заговора. Это Иван Петров Белиловец томский «конный казак», родом из Нежина, присланный недавно, и Иван Краснопольской – «староверстанский литвин» [7, с. 8]. С точки зрения Н.Н. Оглоблина относительно И. Краснопольского в воеводской отписке содержится «странная оговорка»: «а он с ними ж (заговорщиками) думал в начале» [7, с. 8]. Еще в руководство заговора воеводы зачислили «затинщика» Василия Борисова, конного казака Мосязку (Моисея) Голящевского, пеших казаков Софрона Стасейского (нежинца), Кондрата Михайлова («козак из Носовки») и Тимофея Левонтьева, крестьянина Софрона Иванова и Зеновия Левонтьева – «хлопа» томского воеводы князя Егупова-Черкасского» [7, с. 8]. Примыкал к этой группе принадлежавший к служилой верхушке сын боярский Михаил Гробовецкий [7, с. 9].

Затем Н.Н. Оглоблин повествует о раскрытии заговора. «Заговор» был раскрыт летом 1634 г.: «литва» планировала овладеть городом, перебить воевод и русских служилых людей, затем – бежать на родину... Однако 14 июня явился в съезжую избу к воеводам пашенный крестьянин Тимофей Емельянов Смольянин и «извещал в изменном деле» на всех 150 новоприсыльных литовских людей» [7, с. 9]. Воеводы немедленно схватили «литовских людей» и «про тот воровской завод спрашивали и пытали и огнем жгли»... Все главные деятели заговора «винились» во всем, в чем их оговорили. Большинство же казаков и все крестьяне решительно заявили, что о заговоре ничего «не ведали» [7, с. 10].

Заканчивает Н.Н. Оглоблин пересказом приговора. По приказу воеводы казнены были конные казаки – И. Белиловец, И. Краснопольской и М. Голящевской, «затинщик» В. Борисов, пешие казаки – С. Стасейской, К. Михайлов, Т. Левонтьев, Г. Гришин, И.С. Басань («с Павлолчья»), П. Салтыковской, крестьянин С. Иванов и холоп З. Левоньев. Остальных посадили в тюрьму, а «распросные речи» и отписку воеводы отправили в Москву [7, с. 11]. Доклада государю не последовало, как говорит следующая помета приказа: «по сей выписке не докладывано, потому что те литовские люди взяты к Москве...» [7, с. 10].

Н.Н. Оглоблин специально не отмечает, что, кроме места выхода, ссыльные были связаны с белорусскими землями еще по данным ономастики. Большинство из них имело личные имена в той форме, в какой они распространены среди лиц, окрещенных в православной, а не в католической церкви. Большинство фамилий было произведено от таких имен из православного ономастикона. Важным фактором, усугубившим ситуацию, являлось наличие в этой партии ссыльных так называемых черкас (из Нежинского повета, из Стародуба, Чернигова, Павлолчи и др.). Был даже один выходец из Львова¹. «Черкасы» проживали в той части Речи Посполитой, которая подвергалась постоянным набегам и поэтому

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 40. Л. 278–283.

обладали более «фронтирными» поведенческими привычками. Н.Н. Оглоблин не мог сравнить численность этой группы с численностью всех служилых Западной Сибири, а мы можем, так как на 1634 г. служилых людей было около 4 тыс. Это подтверждает мнение Н.Н. Оглоблина о томской «литве» как о локальной боевой силе.

Выводы Оглоблина о готовности «литвы» к бунту не подтверждены никакими источниками и проистекают, вероятно, из его интерпретации ситуации в духе официальных документов². Так ли это было или нет на самом деле, мы не знаем, а единственным источником, повествующем об этом событии, является воеводская отписка, которая, учитывая принятые Н.И. Егуповым-Черкасским суровые меры, должна была максимально последовательно проводить его точку зрения.

Согласно приводимым им данным в заговоре приняла участие не вся «литва», а только 25 % от общего числа ссыльных. Состав руководства заговора вызывал у Н.Н. Оглоблина определенные сомнения, которые он разрешает согласно тенденции документа. Оглоблин также оставил без комментариев тот факт, что воеводская отписка содержит противоречие: извет был обо всей «литве», а обыск выявил вину меньше чем половины, из которой под пытками призналось менее 10 чел.

Еще важно отметить, что, несмотря на культурную и языковую близость, между выходцами из белорусских земель и русскими Сибири имелись определенные, в том числе

и языковые, отличия, которые могли затруднять взаимопонимание особенно в условиях допроса «с пристрастием».

Процесс взаимодействия сибиряков и выходцев из белорусских земель в XVII в. определялся рядом факторов: 1) существовало культурное и конфессиональное единство (данные антропологии отражают это единство на уровне схожести не только личных имен, но и фамилий); 2) имелась определенная языковая близость, так как судебные-следственные документы не упоминают необходимость «толмачить» вопросы следователей и ответы подсудимых. По крайней мере, документ создан в рамках «наивной веры», что вопросы и ответы были поняты верно; 3) «литву» в Томском остроге в 1634 г. воспринимали как «чужих», вселявших страх; 4) вместе с тем документ содержит элемент очень сильной веры в мощь человеческого потенциала «литвы», способной «проиматца» на Волгу, через тысячекилометровые расстояния, перегоняя с собой лошадей.

В приложении к тексту мы даем основную часть следственного дела, отражающую официальную точку зрения воевод на события в Томске летом 1634 г.

Документ публикуется согласно Правилам издания исторических документов в СССР 1990 г. с некоторыми изменениями: титул не сокращается (ср. п. 94 Правил), буквенная цифирь передается арабскими цифрами, в квадратных скобках даны восстановленные и неуверенные чтения поврежденных участков текста. Нумерация листов архивных документов приводится в круглых скобках.

1. [после 25 июля 1634 г.] –

Отписка томского воеводы Н.И. Егупова-Черкасского с товарищами о мерах по пресечению «заговора томской Литвы».

(л. 265)

Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, холопи твои, Никита Егупов-Черкасский, Федька Шишкин, Ондрюшка Строев челом бьют. В нынешнем, государь, во 142-м году, июля в 14 день извещал нам, холопом твоим, в Томском, в съезжей избе, твой государев пашенной крестьянин Тимошка Емельянов Смолянин твое государево изменное дело на новоприсланных, на литовских людей, которые по твоему государеву указу присланы в Томской из Тобольска в прошлом, в 141-м году, в августе и поверстаны, государь, они были в конные и пешие казаки, а иные написаны в пашенные крестьяне, на пеших, на Кондрашку Михайлова, да на Тимошку Левонтьева, да на конных, на Ивашку Петрова сына Белиловца, и на всех новоприсланных литовских людей, что, государь, они, литовские люди, человек с полтора, умыслили воровское лихое дело, хотели, государь, в Томском твою казну пограбить, а нас, холопей твоих, и томских служилых и всяких людей побить всех, а город и острог, и посад сжечь, и, взяв лошадиное стадо, и бежать степью мимо Тар[ы] на Волгу и проимаца в Литву.

И по тому, государь, Тимохиному извету, мы, холопи твои, тех воровских литовских людей, Кондрашку Михайлова и Тимошку Леонтьева, и Ивашку Белиловца, про тот воровской завод спрашивали и пытали, и на кого, государь, они, Ивашко Белиловец с товарищи в роспросе и с пытки говорили, и тех, государь, мы, холопи твои, спрашивали и пытали, и тут же, государь, с ними новоприсланными // тому воровству (л. 266) заводчик староверстанной литвин, конной казак Ивашко Краснопольской, да затинщик, литвин же, Васька Борисов, да мой, холопа твоего, Никитки, человек, литвин, Зиновко Леонтьев. А у того, государь, литвина Ивашка Краснопольского, тому воровскому и думали, и приходили, государь, все те воры и советовали, к нему на двор.

А он с ними ж думал в начале, а первой, государь, у них всему тому злому совету заводчик Ивашка Белиловец и с те[м] на дворе у того Ивашко Краснопольского и он, государь, литва новоприсыльные конные и пешие и из пашенных крестьян в том воровском заводе, что хотели твою государеву денежную, соболиную и зелейную казну разграбить, а нас, государь, холопей твоих, и томских служилых и всяких людей побить, и город, и острог зжечь, изплоша в деловую пору, в жнитво и в сено//кос (л. 267), а в тое, государь, пору, служилые люди живут по заставам и в проезжих, и в отъезжих сторжах, и в городе, государь, в ту [...] пору людей живет мало,

² Там же. Л. 265.

только одни караульщики, что по городовым и по острожным воротам, и бежать в [равилой] в степь, мимо Тары на Волгу и в Литву, винулись.

И мы, холопы твои, за такую великую измену, и за воровской лихой завод, которые в том воровском деле были большие пущие заводчки, десять человек, велели повесить.

Ис конных Ивашка Петрова сына Белиловца, нежинца Мосящку Голещецкого, да ис пеших, государь, Софронка Стасейского, нежинца Кондрашку Михайлова, казака из Носовки Тимошку Левонтьева, Гаврилка Гришина, нежницкого повета Ивашко Степанова, прозвище Басав Спиволюня, Петрушку Салтыковского Востиславского повету, да из пашенных, государь, из новоприсыльны, литвина ж, Софронка Иванова, да моего холопа твоего Никитки, чеовека, литвина ж, Зеновка Левонтьева, да дву человека Ивашку Краснопольсково // (л. 268) у которого, государь, был завод и совет, да затинщика Ваську Борисова велели казнить смертною казною.

А что, государь, те воры, которых казнили и которые, государь, посажены в тюрьму, в роспросе и пытки говорили, и те, государь, распросные и пыточные речи послали мы, холопы твои, к тебе, государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси к Москве с томским сыном боярским Левонтием Полтевым, да с томскими служилыми людьми с Агейком Чижовым, да с Федькою Засудиным с товарищи, Да и во многих, государь, в Томском в ссыльных, в литовских и русских людях, в донских и в волских казаках, и в пашенных крестьянах о побеге шатость, а [только] государь, по твоему государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу в Томской и Томского разряда остроги будут ссыльные литовские, и русские воровские люди в служилые и в пашенные крестьяне, и с тех, государь, воровских ссыльных людях опроче дурна и воровского заводу некоторого добра не чают.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 40. Л. 265–268.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Д.А.* История Сибири конца XVI – начала XX в. в англо- и германоязычной историографии: основные концепции и подходы к изучению // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 3–7.
2. *Резун Д.Я., Соколовский И.Р.* О «литве» в Сибири в 17 в. // Белорусы в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 22–64.
3. *Каменецкий И.П.* Выходцы из белорусских земель на службу в Сибири в XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 12–16.
4. Отрывки дневника о войне царя Михаила Феодоровича с польским королем Владиславом 1632–1634 // Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1.
5. *Gierowski J.* Historia Polski. 1505–1864. Warszawa, 1978. Т. 1.
6. *European Warfare 1494–1660* / ed. Jeremy Black. Palgrave, 2002.
7. *Оглоблин Н.Н.* Заговор томской литвы в 1834 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1894. 8 кн. (Отд. отт.)

Статья поступила
в редакцию 11.11.2013

УДК 930 (57)“15/19”

Д.А. АНАНЬЕВ

ВЫХОДЦЫ ИЗ ЗАПАДНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В СИБИРИ (XIX – НАЧАЛО XX вв.): ВЗГЛЯД ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: denis.ananyev@gmail.com

На протяжении нескольких столетий в Сибири формировался сложный полиэтничный социум, объединивший в себе представителей самых разных народов, в том числе выходцев из белорусских, украинских и польских земель (до 1917 г. – западных окраин Российской империи). Перед сибиреведами стоит задача более глубокого изучения истории межэтнических контактов и той роли, которую сыграли в колонизации региона представители различных этнических групп.

Наряду с отечественными специалистами изучением этой темы активно занимаются специалисты из Польши, Беларуси, Германии, США, других стран. Автором настоящей статьи предпринята попытка выявить основные подходы зарубежных исследователей к изучению исторических связей между Сибирью и западными окраинами Российской империи и определить перспективы дальнейшей научной разработки темы. Анализ проблематики исследований показал, что в зарубежной сибиреведческой литературе судьбы выходцев из западных окраин империи рассматриваются, как правило, через призму истории каторги и ссылки; массовых крестьянских переселений за Урал; проблем этносоциального и конфессионального развития. Особое внимание при этом уделяется периоду XIX – начала XX в., когда приток переселенцев из европейской части России в Сибирь стал наиболее массовым.